

Михаил ЛЕБЕДЕВ

АДИЙ

Фантасмагория в психбольнице и её окрестностях в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Адий (Аркадий) КУТИЛОВ, поэт

Иван ПОНЫРЁВ, главврач ПНД

ФЁКЛА, муза

Геннадий ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ, историк

Виктор ЧЕКМЕНЁВ, журналист

Лидия РАЙКОВА, женщина

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ, президент

Егор ЛЕТОВ, пациент ПНД

Юрий АНДРОПОВ, пациент ПНД

Евгений ЕВТУШЕНКО, поэт

Леонид ВОЗЛЕЖАЕВ, губернатор

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА, старшая медсестра ПНД

ТАМАРА, муза

1-й САНИТАР

2-й САНИТАР

ОФИЦИАНТ

СОТРУДНИКИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Одинокая палата психоневрологического диспансера. На кровати, укрытый одеялом с головой, лежит человек. В его ногах сидит ФЁКЛА.

ФЁКЛА. Как там было-то у тебя? «Сидит и, тварь, покуривает»? Размер вроде не тот. Забыла, надо же.

Голос из-под одеяла. «Сидит и, падла, курит». Совсем ты уже, Фёкла.

ФЁКЛА. Точно.

Голос из-под одеяла. Куда уж точнее.

ФЁКЛА. Вставал бы ты уже, Аркаша. Новое время, новые песни. И я снова тут, при тебе.

Голос из-под одеяла. Адий, меня опять зовут Адий.

ФЁКЛА. Ну, пусть Адий, я же не против. Только, знаешь, это твоё настоящее имя и тогда никто знать не хотел, а теперь и вообще ни один читатель не поймёт.

Голос из-под одеяла. Наплевать. Скажем им, что я рэпер, рэпер Адий МС.

ФЁКЛА. Ну какой из тебя рэпер? Я бы к тебе тогда и близко не подошла. Насмотрелась я нынче на них, хуже Пелевина, честное слово.

Голос из-под одеяла. Куда уж хуже.

ФЁКЛА. Девятый час, за окном вон почти светло. Вставай, поработаем как прежде.

КУТИЛОВ (*сбрасывает одеяло с головы*): Ну, допустим, встал. И кому от этого лучше стало?

ФЁКЛА. Не знаю, поглядим. С воскресеньем, кстати.

КУТИЛОВ. «С воскрешением», нужно говорить. Дура же ты у меня, всё-таки.

ФЁКЛА. Кому-то и душой нужно быть. Только воскресенье сегодня: вчера суббота была, завтра — понедельник.

КУТИЛОВ. Выходной, значит.

ФЁКЛА. Ну.

КУТИЛОВ. Кормят здесь завтраком-то?

ФЁКЛА. Должны. Пойду узнаю.

ФЁКЛА уходит. АДИЙ встаёт с кровати, заправляет её строго, по-армейски. Подходит к окну, смотрит сквозь зарешёченное стекло.

КУТИЛОВ. Снег. Соскучился по снегу больше, чем по водке. Выпустят — поеду в Бражниково, там север, там вообще сугробы по пояс. Только к кому? Меня в деревне уж и не помнит никто. Ладно, разберёмся. Живу от снега и до

снега, зима — как обморок земли... Ну так, собственно, и вышло: зимою жить, летом помирать. Как тогда, в июне, в тихом сквере у транспортного института... Давно это было, давно.

Входит 1-й САНИТАР с ведром и шваброй.

1-й САНИТАР. Уборка. Ложись, не шастай. Вчера доставили, что ли? Ноги поднимай. Расселся, понимаешь. Чего молчишь-то? Вчера, спрашиваю? В субботу?

КУТИЛОВ. Наверное.

1-й САНИТАР. «Наверное». Всё у них «наверное», нет чтоб точно ответить. Гордые они у нас какие. Завтрак не проспи, столовая направо по коридору, за постом. Ложка с кружкой есть хоть?

КУТИЛОВ. Не знаю.

1-й САНИТАР. Не знает он. А не знаешь, в тумбочке посмотри.

1-й САНИТАР, закончив уборку, собирается уходить. Сталкивается в дверях с МАРИЕЙ СЕРГЕЕВНОЙ.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Там в двенадцатой кто-то форточку оставил открытой на ночь, снегу намело в палату.

1-й САНИТАР. Я только с утра заступил.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Да я не в упрёк. К тому, чтобы подоконник протереть не забыл... Так, а это кто у нас тут новенький объявился?

1-й САНИТАР. Не знаю, похоже, ночью привезли.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Всё, иди в двенадцатую. И форточку там закрой, я не дотягиваюсь.

1-й САНИТАР уходит.

Фамилия как?

КУТИЛОВ. Кутилов.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Ничего, разберёмся. Видок у тебя, конечно, винтажный. Мишка вон олимпийский на футболке, флаг советский. Из коммунистов, что ли?

КУТИЛОВ. Из анти.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Чего, «анти»?

КУТИЛОВ. Из антикоммунистов.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. А. Работаешь где?

КУТИЛОВ. Нигде. Поэт я.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Поэт, ясно. Первый раз у нас?

КУТИЛОВ. Сложный вопрос.

В палату заглядывает 2-й САНИТАР.

2-й САНИТАР. Главный спрашивал вас, Мария Сергеевна. А этот откуда здесь нарисовался?

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Так ты же вчера дежурил.

2-й САНИТАР. Не видел я его, не размещал.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Он из воздуха, что ли, в палате воплотился? Кто дежурный врач был?

2-й САНИТАР. Плешников. Но он сменился уже, уехал... Понырёв ждёт, пойдёмте уже.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Беда мне с вами, работничками. Пошли.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА и 2-й САНИТАР уходят.

КУТИЛОВ. Суетно здесь, всё-таки. Отвык. Курить хочется. И на волю бы как-нибудь.

Входит ФЁКЛА.

ФЁКЛА. Завтрак накрывают уже. Там со своей ложкой и кружкой нужно. Вот, достала тебе посуду.

КУТИЛОВ. А курево?

ФЁКЛА. Держи. «Беломора» тут нет сейчас, какие-то с фильтром нашла. Говорят, самые крепкие. Курить можно только на улице, порядки теперь такие.

КУТИЛОВ. А бумагу с ручкой?

ФЁКЛА. Так сказал бы сразу, а то кобенился всё утро: «Адий я теперь», «рэпер», «писать ничего не хочу». А то я тебя не знаю. Пошла за бумагой.

ФЁКЛА уходит. КУТИЛОВ открывает форточку, закуривает.

КУТИЛОВ. Муза приходит и уходит, приходит и уходит. И я вслед за ней ухожу и прихожу, ухожу и прихожу. Ты — конвоир своей мечты, куда она — туда и ты... Стихи какие-то, кому они нужны? И тогда никому, и сейчас никому... А что ты знаешь про сейчас-то? Оттуда не видно было. Ну, попробуем, поглядим. Вот Фёкла бумагу принесёт — и проверим.

КУТИЛОВ выбрасывает бычок в форточку, берёт кружку и ложку, собирается на завтрак. В палату входят ИВАН ПОНЫРЁВ, МАРИЯ СЕРГЕЕВНА, 1-й САНИТАР, 2-й САНИТАР.

ПОНЫРЁВ. Накурено в палате. Для кого табличка висит «курить запрещено»?

КУТИЛОВ. Откуда мне знать? Может, для Брежнева. Тот курящий был. Или для санитаров.

1-й САНИТАР. Шутник.

2-й САНИТАР. Мы некурящие.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Разъясним пациенту, Иван Николаевич. Обязательно разъясним.

ПОНЫРЁВ. Хорошо. И так, в журнале поступлений никакого Кутилова не зафиксировано, до дежурного врача дозвониться не удалось. Потрудитесь объяснить, как вы очутились в этой палате.

КУТИЛОВ. Это сложно.

ПОНЫРЁВ. Ничего, мы ко всяким объяснениям привычные. Но всё же постарайтесь попроще.

КУТИЛОВ. Если попроще, то неизвестным науке способом. То есть, я был там, и меня отпустили. Временно. Я не просил, но отпустили. Почему-то сразу сюда, по старой памяти, наверное.

ПОНЫРЁВ. В смысле, лечились уже у нас? С каким диагнозом?

КУТИЛОВ. Лечили, но давно. А диагноз известный: поэт.

ПОНЫРЁВ. Мария Сергеевна, поднимите потом архивы, проверьте пациента Кутилова. А зовут вас?

КУТИЛОВ. Адий.

ПОНЫРЁВ. Адий, значит. А отчество?

КУТИЛОВ. Когда-то числился и Аркадием. Отчество Павлович.

ПОНЫРЁВ. Аркадий Павлович Кутилов. Диагноза, выходит, не помните.

КУТИЛОВ. Поэт.

ПОНЫРЁВ. Ладно, поэт, снимайте футболку. Послушаем лёгкие. Дыхание бронхиальное, жёсткое. Курите? Ах, да. Татуировка занятная. Сидели?

КУТИЛОВ. Отбывал.

ПОНЫРЁВ. За что?

КУТИЛОВ. По двести девятой, за тунеядство.

2-й САНИТАР. Лет двадцать уже как за тунеядство не сажают.

1-й САНИТАР. А зря.

ПОНЫРЁВ. Кутилов, Кутилов... Что-то крутится такое в голове. Во втором ПНД, в Шишках не обследовались?

КУТИЛОВ. Нет.

ПОНЫРЁВ. Все равно фамилия знакомая... Значит, поэт, да?

КУТИЛОВ. Да.

ПОНЫРЁВ. Ну, прочтите тогда что-нибудь из вашего, из последнего тогда.

КУТИЛОВ. Из последнего? Ну, например.
Меня убили. Мозг втоптали в грязь.
И вот я стал обыкновенный жмурик.
Моя душа, паскудно матерясь,
сидит на мне. Сидит и, падла, курит!

2-й САНИТАР. Не выражаться тут!

КУТИЛОВ. А где ещё самовыражаться? На воле не дают. Только здесь.

ПОНЫРЁВ. Это ничего, поэтам можно. Давайте-ка, Мария Сергеевна, мы этого Кутилова определим к председателю КГБ Андропову. Поэт должен быть ближе к народу.

КУТИЛОВ. Я ничего никому не должен.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. В девятую, к Миронову. Ясно.

ПОНЫРЁВ. И по облегчённой схеме пока: аминазин, феназепам и так далее. До Плешникова дозвонитесь всё-таки, разберитесь с ситуацией.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Обязательно. Сразу доложу.

Все уходят. Санитары аккуратно контролируют движения КУТИЛОВА. Через паузу в палату входит ФЁКЛА с пачкой писчей бумаги.

ФЁКЛА. На завтрак, что ли, ушёл?.. А, в девятую, к «Андропову» перевели...
Всё шевбутятся, шевбутятся, как дети малые. Ему догляд нужен, стимуляция. А у этих одно средство, аминазин. Ничего не меняется в России, ничего.

ФЁКЛА ложится на кровать Кутилова, сворачивается калачиком.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет заведующего психоневрологическим диспансером. За столом ПОНЫРЁВ читает ноутбук.

ПОНЫРЁВ. Как он там декламировал-то, «мозг втоптали в грязь»? Ага, нашёл: «сидит и, падла, курит». Аркадий Кутилов, год смерти 1985-й. Фотография есть. А что, действительно похож. Пишут: «гениальный поэт-самородок», «запрет на любые публикации». Почему? А, вот: сидел за бродяжничество, проводил публичные политические акции, неоднократно помещался в психушку. В крышку унитаза вставлял портрет генерального секретаря и ходил с ним по городу. Потому и к нам, значит, помещался — ну, тогда ещё. Подражает, выходит, пациент своему кумиру, диссидентствует. Правильно, куда ещё сдавать потенциального иноагента, распространителя фейков? В ПНД, ясное дело. Оттого, похоже, и вся эта секретность. Ну, у них там своя служба, у нас — своя. Запишем: диссоциативное расстройство личности, бред величия, всё под вопросом... Кутилов, значит? Ладно, посмотрим что ты за поэт такой.

ПОНЫРЁВ нажимает кнопку на пульте с микрофоном.

Мария Сергеевна, доставьте ко мне пациента Кутилова. Спасибо.

ПОНЫРЁВ достаёт смартфон, набирает номер.

Валерий Николаевич, приветствую. Как съездили? Двух коз добыли? Удачно... В следующий раз обязательно, нынче никак не сложилось, на работе необходимо присутствовать сегодня... Беспокойное хозяйство, да... Неизвестно ещё у кого работа суматошнее... Валерий Николаевич, тут у меня пациент поступил, выдаёт себя за поэта Кутилова. Не по вашей линии его к нам вчера?.. Ну как, тот был асоциальный элемент, бомж, политический экстремист, по сути... Нет, я понимаю, что сегодня воскресенье. Завтра проверьте, пожалуйста, сообщите мне, как зарегистрировать пациента правильно, если он от вас... Кто стрелял-то? Вы и Олег Егорович? Молодцы, с полем вас.

В кабинет входят КУТИЛОВ, МАРИЯ СЕРГЕЕВНА и 1-й САНИТАР.

Нет-нет, на следующие выходные обязательно с вами на охоту, обязательно. Печёнка уже зажарилась? Ну, не стану задерживать. Приятного аппетита. Всего наилучшего.

ПОНЫРЁВ убирает телефон в карман.

КУТИЛОВ. Презираю охотников... Это что у вас?

ПОНЫРЁВ. Телефон, а вы что думали?

КУТИЛОВ. Вот так просто из кармана и звонить?

ПОНЫРЁВ. Просто из кармана и звонить, да.

КУТИЛОВ. Хренасе.

КУТИЛОВ берёт стул и садится на него посреди кабинета.

ПОНЫРЁВ. Да, присаживайтесь, не стесняйтесь.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Иван Николаевич, буйствует пациент-то.

ПОНЫРЁВ. Серьёзно?

1-й САНИТАР. Андропова глушил реально, еле растащили. Может, на вязку его зафиксировать?

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Предлагаю сразу в изолятор.

ПОНЫРЁВ. Что ж вы так с места в карьер, Аркадий Павлович? У нас тут больница, а не юэфси.

КУТИЛОВ. Не что?

ПОНЫРЁВ. Ultimate Fighting Championship, Лига боёв без правил. Неважно. Так что вы с соседом не поделили-то, Аркадий Павлович?

КУТИЛОВ. Меня зовут Адий.

ПОНЫРЁВ. Ладно, пусть Адий. И?

КУТИЛОВ. Не люблю придурков.

ПОНЫРЁВ, Ну, мы все здесь личности неоднозначные. Заведение такое.

КУТИЛОВ. Настоящего Андропова я бы сразу замочил, без разговоров. А этот косит, придуривается.

ПОНЫРЁВ. К прочим талантам, ещё и диагност у нас объявился. Но вы же больше не будете, правда?

КУТИЛОВ. А смысл? Такого фраера раз под шконку загнать — и достаточно, проблема решена.

ПОНЫРЁВ. Ну, хорошо. Мария Сергеевна, ступайте обратно в отделение.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА уходит. ПОНЫРЁВ вновь скроллит страницы в ноутбуке.

ПОНЫРЁВ. Что ж, давайте к делу. Когда впервые у вас обнаружилось раздвоение личности?

КУТИЛОВ. Личность у меня одна, реальности вокруг разные.

ПОНЫРЁВ. Допустим. Когда впервые обратились за помощью к психиатру?

КУТИЛОВ. Не я обратился, меня обратили. После того как из армии выгнали.

ПОНЫРЁВ. За что человека можно выгнать из армии?

КУТИЛОВ. Старшина две бутылки принёс. Собрались в ленинской комнате, а я там стишок сидел дописывал. Сел за стол, когда уже вторую допивали, а там антифриз оказался. В итоге я один в живых и остался.

ПОНЫРЁВ. То есть, токсический психоз?

КУТИЛОВ. Хрен его знает. Просто списали на гражданку после госпиталя, а они мне регулярно являться стали, сослуживцы-то. Ну и запил, чтобы от них отвязаться. Так что, обычный делирий мне в диагноз вменили.

ПОНЫРЁВ. В армии, значит, стихи ещё писать начали. Ну и как, публиковались?

КУТИЛОВ. Как сказать. Твардовскому в «Новый мир» стишки отправлял. Говорят, понравились ему. Но не срослось в итоге: где Твардовский и где алкаш Кутилов.

ПОНЫРЁВ. А я ведь тоже поэт, знаете ли. Только никому не говорите.

КУТИЛОВ. Развелось вас тут.

ПОНЫРЁВ. И тем не менее. Член Союза писателей России. Могу удостоверение предъявить.

КУТИЛОВ. Ментам предъявишь. Читай давай, поэт, послушаю.

ПОНЫРЁВ. Что, так сразу? Ну, извольте. Вот это, совсем коротенькое.
Пошёл топиться — не сумел,
а возвращаться не хотелось.
Светало. Грезилось и пелось.
И плакал. Плакал и взрослел.

1-й САНИТАР уважительно аплодирует.

Ну как? Здесь, видите ли, использованы исключительно глагольные формы. Нетривиальная задача, между прочим.

КУТИЛОВ. Вижу что глаголы, а не разводной ключ. Можно и паюсную икру половником жрать, на выходе всё равно говно получится.

ПОНЫРЁВ. Что, действительно так плохо?

КУТИЛОВ. Ну, так себе. Да ты не расстраивайся, у других не лучше. Какго-нибудь Егора Исаева почитай, что ли, — вот там стопроцентное говно, патентованное Ленинской премией. Ты на его фоне, считай, Поженян какой-нибудь.

У ПОНЫРЁВА звонит мобильник.

ПОНЫРЁВ. Слушаю, Валерий Николаевич... Да, прошёл такой слух, потому и сижу здесь в воскресенье, документацию в порядок привожу, отделения полируем до блеска. Минздрав строгое указание прислал...Точно будет? Сам, лично?.. Зачем ему психушка-то понадобилась?.. Выборы, ясно. Программа визита согласована, понимаю... В понедельник ждать? Железно?.. Понял, спасибо за информацию, Валерий Николаевич. Будьте здоровы.

Кладёт телефон на стол, крестится.

Пронеси, господи. Спаси и сохрани.

КУТИЛОВ. Не в ту инстанцию обращаешься. Это по другому ведомству.

ПОНЫРЁВ. Что? Откуда вам знать?

КУТИЛОВ. Оттуда.

ПОНЫРЁВ. Ладно, неважно... Значит, не понравилось вам моё стихотворение, Аркадий Павлович. А его, между прочим, журнал «Наш современник» опубликовал, и в поэтическом сборнике оно вышло, «Туманные рассветы» назывался. И две книги стихов у меня уже есть. За свои деньги выпустил, но всё же, всё же, всё же.

КУТИЛОВ. А меня «Молодой сибиряк» публиковал, даже два раза.

ПОНЫРЁВ. Да, была, кажется, когда-то такая местная газета. То есть, мы с вами коллеги по поэтическому цеху.

КУТИЛОВ. Калеки.

ПОНЫРЁВ. В каком смысле?

КУТИЛОВ. Я — поэт без публикаций, ты — публикации без поэта. Оба инвалиды.

ПОНЫРЁВ. Ладно, я бездарность, по-вашему. Но вас-то, такого гениального, почему не публикуют? Или не публиковали. Запутался я уже в вашем бреде.

КУТИЛОВ. Потому что я непубликабельный. Ни тогда, ни сейчас.

ПОНЫРЁВ. А прочтите мне что-нибудь из вашего настоящего поэтического. Которое, якобы, публиковать нельзя. Не стесняйтесь, здесь все свои.

КУТИЛОВ. Стесняться нужно мужику в женской бане, а мне стесняться нечего. Ну, слушай.

— Яма хорошая.

Только
на дно
набежала лужина...

— Товарищ майор,
но ведь это
не наша вина —
апрелева...

— Ну, хорошо...
Давайте ужинать,
да надо людей
расстреливать.

ПОНЫРЁВ. Н-да.

КУТИЛОВ. Ну и вот.

ПОНЫРЁВ. Нет, я бы лично опубликовал. Были, были тёмные пятна в истории нашей страны. Нужно их изжить, переосмыслить — и в поэтическом смысле тоже.

КУТИЛОВ. Сейчас, что ли, времена лучше?

ПОНЫРЁВ. Как можно сравнивать? Не тридцать седьмой год на дворе.

КУТИЛОВ. Ага. Значит, можно такое сегодня публиковать?

ПОНЫРЁВ. Не мне решать, вы же понимаете. А там (*палец вверх*) вряд ли одобряют, конечно.

КУТИЛОВ. Там (*палец вверх*) давно уже одобрили. А твоё «там» (*палец вверх, согнутый*) не считается. Это твоё «там» — придурочное, на полшишечки.

1-й САНИТАР. Враг народа, навальнист, пятая колонна. В изолятор бы его, Иван Николаевич.

КУТИЛОВ. Вот, народ разбирается. Всегда. Его никакой квартирный вопрос не испортит.

ПОНЫРЁВ (*отрываясь от ноутбука*). Нашёл, есть такое стихотворение у Кутилова. Так и называется «Россия, год 37». Вы что, всего его наизусть помните?

КУТИЛОВ. Я всего себя помню. Ну, почти всего.

ПОНЫРЁВ. Если помните, то объясните, как вы тут у нас вчера появились.

КУТИЛОВ. По ошибке, скорее всего. Возвращаться тебе уже некуда, уже нету двадцатого века-то... А здесь у вас что-то исправлять — только половой орган тупить.

ПОНЫРЁВ. Спасибо за эвфемизм. Мы же все тут интеллигентные люди.

1-й САНИТАР. Меня не вписывайте, Иван Николаевич, мне это неприятно.

ПОНЫРЁВ. Как скажешь, вычеркнут... По ошибке, значит. Ну, это мы завтра выясним, по ошибке или по решению соответствующих органов подчистить наш богоспасаемый городок от непредсказуемых личностей перед... В общем, неважно. Не желаете объяснять — не объясняйте.

КУТИЛОВ. Объяснил как сумел. Значит, понималка ещё не отросла.

ПОНЫРЁВ. Хамить вот только не нужно. (*Санитару.*) Сопроводи его обратно.

1-й САНИТАР. Может, зафиксировать всё же?

ПОНЫРЁВ. Не стоит, мы же культурные люди. Так, Кутилов?

КУТИЛОВ. Не все люди — люди.

1-й САНИТАР уводит КУТИЛОВА. ПОНЫРЁВ включает телевизор, слушает выпуск новостей, в котором с почтительным восторгом сообщается о предвыборной поездке президента по стране.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Курилка у входа в диспансер. КУТИЛОВ в телогрейке и нелепой шапке сидит на скамейке, курит, что-то пишет на листе бумаги. Рядом сидит ФЁКЛА. Над ними горит вечерний фонарь.

КУТИЛОВ. Дурной стал язык-то. «Дискурс» какой-то, «в моменте», «токсичный», «на позитиве». Или вот «походу». Что «походу»? Куда «походу»? Почему в одно слово? Нет, отказываюсь, уволь.

ФЁКЛА. Справишься. Ты у меня адаптивный.

КУТИЛОВ. Какой ещё, блядь, «адаптивный»? Ты-то куда вместе с ними? Бери сама и пиши на этом сучьем нарративном.

ФЁКЛА. Каждому своё. Ты у нас поэтический гений, с тебя и спрос. Хоть в те времена, хоть в эти.... Слушай лучше чего скажу-то. Я тут в буфете музу этого главврача Понырёва встретила.

КУТИЛОВ. Да ладно?.. Вот, же привязалось новомодное удивление... Серьёзно? И у него муза есть?

ФЁКЛА. Маленькая такая, кривенькая. Может, карлица, не знаю. Тамарой зовут. Но она хорошая, добрая, семечек мне в карман отсыпала. Будешь?

КУТИЛОВ. Давай. *(Лузгают семечки вместе.)* И чего говорит?

ФЁКЛА. Да ничего особенного. Какая есть, говорит, ничего тут не попишешь. Вот и ты тоже ничего не пишешь... Так-то она, понятно, ко мне со всем уважением, как к даме высшего света, вроде Моники Беллуччи.

КУТИЛОВ. Принцесса итальянская, что ли?

ФЁКЛА. Не надо тебе... В общем, знают меня среди наших, конечно. Почтительно относятся, понимают кто такой Кутилов, место своё блюдут. Ну так не каждой же музе судьба распорядится настоящего поэта выдать, что ж им теперь, страдать всю дорогу?

К курилке робко подходит ТАМАРА, стоит поодаль.

ТАМАРА. Здравствуйте.

КУТИЛОВ. Здравсьте, здравсьте... Страдать, конечно, не стоит. Говорят, и у Асадова муза была, и у Егора Исаева даже.

ФЁКЛА. И у Юнны Мориц. Но та повесилась лет тридцать назад, Зиной звали. Мы с ней подружки были, пока не вот это вот всё...

ТАМАРА. Извините. Фёкла, если вы заняты, то я и одна могу, мне не трудно.

ФЁКЛА, Ладно, мы с Тамарой в кино собрались, про Крымский мост режиссёра Кеосаяна. Говорит, неплохой фильм. Ты не скучай тут. А лучше работать начинай, приду — проверю.

ТАМАРА. До свидания. Простите.

ФЁКЛА и ТАМАРА уходят.

КУТИЛОВ *(вновь пытается писать)*. Вот это красивый глагол «хайпожорить», тут не поспоришь. «Хайпожорило солнце над таёжной рекой, и над мятым червонцем, деревенской тоской...»

Из стационара выходит ЛЕТОВ, садится рядом.

ЛЕТОВ. «Ленин ёбнул доской».

КУТИЛОВ. Ты ещё кто?

ЛЕТОВ протягивает руку для знакомства.

ЛЕТОВ. Егор, музыкант.

КУТИЛОВ. Летов, поди?

ЛЕТОВ. Ну, Летов. В этом городишке других музыкантов и не было никогда.

КУТИЛОВ. Морду в профиль поверни, Летов-Котлетов... Не в фокусе... Ну, как жизнь тут идёт, Егор?

ЛЕТОВ. Кормят хорошо.

КУТИЛОВ. Как при коммунизме.

ЛЕТОВ. А что ты имеешь против коммунизма?

КУТИЛОВ. Против коммунизма я имею всё. И даже больше.

ЛЕТОВ. А я вот коммунист. Рок-коммунист.

КУТИЛОВ. Вон туда отсыдь, подальше.

ЛЕТОВ пересаживается на соседнюю скамейку.

ЛЕТОВ. Один дедушка Ленин хороший был вождь.

КУТИЛОВ. А нынешний как же?

ЛЕТОВ. Чертила этот нынешний. Ленин для людей был, а сегодняшний для блядей. Не тот, а этот разложился на плесень и липовый мёд. И всё идёт по плану. Так себе план.

КУТИЛОВ. От войны здесь косишь?

ЛЕТОВ. Болею я. А так-то на фуражке моей серп и молот и звезда. Гляди, если не веришь.

ЛЕТОВ протягивает фуражку.

Чего мне косить? Всё не так однозначно. Может и поехал бы повоевать за Родину, за коммунизм. Но болею.

КУТИЛОВ. Вижу что больной. Понимаю.

ЛЕТОВ. Я один, что ли, тут больной? И ты больной, и Андропов вон тоже.

Подошедший АНДРОПОВ присаживается рядом с ЛЕТОВЫМ. Вид у него независимо-обиженный.

АНДРОПОВ (*неожиданно громко*). Вся страна больная!

КУТИЛОВ. Вот тут ты, чекист, молодец. Соображаешь. Бог отвернулся от России и смотрит вдаль на острова.

АНДРОПОВ. Бог какой-то. Причём тут Бог, товарищи. Никакого Бога нам ни партия, ни Ленин не завещали!

ЛЕТОВ. Точно.

АНДРОПОВ. Вашего мнения никто не спрашивал... И если страна случайно свернула на скользкий изгиб истории, то мы, наследники Железного Феликса, обязательно поправим её нравственное здоровье. Вернём державе величие, калёным огнём выжжем диссидентскую заразу, освободим братские народы от гнёта американского империализма! С Венгрией справились, с Чехословакией, с Польшей, с Афганистаном — и в Украине не уступим, и в братской Белоруссии, и во враждебной ныне Прибалтике. Если нужно, пройдем стальной лавиной по всей Европе, дойдём до Берлина, Парижа, Лиссабона. Слава русского оружия возродится, сапог русского солдата ступит в мутные воды Ла-Манша! Мы всё сможем повторить, всё повторим! И сам чёрт нам не брат, и сам бог нам не в помощь.

ЛЕТОВ. Не бывает атеистов под огнём.

АНДРОПОВ. Ты сам-то под огнём бывал, сопляк? Ты ещё не родился, когда мы в Будапеште венгерских фашистов вешали. И нынче всех других прочих станем вешать. Вешать! Вешать! Вешать!

КУТИЛОВ встаёт и подходит к АНДРОПОВУ.

Эй, ты чего опять? Не смей меня трогать, нельзя больных рукоприкладствовать. Взяли себе моду.

КУТИЛОВ (*протягивает пачку сигарет*). Закуривай, чего распсиховался.

АНДРОПОВ. Мне можно, я параноик. Лечусь я здесь.
Среди больничной благодати
сплю, ем да размышляю впрок,
о чём я кстати иль некстати
подумать до сих пор не смог.

КУТИЛОВ. Ишь ты, ещё один поэт.

АНДРОПОВ. Да, поэт! Привыкли мазать Андропова чёрной краской. А Андропов не чёрный, Андропов внутри нежный, тонкий, ранимый, цветной, как радуга.

ЛЕТОВ. Сам-то понял что сказал?

АНДРОПОВ. Не дерзи мне здесь, панк недоделанный! Что ты про жизнь мою знаешь?

ЛЕТОВ. Теперь знаю. Жизнь твоя, как радуга. Ра-ду-га. Только что вслух сказал, радужный ты наш.

АНДРОПОВ. Я не говорил, не мог я такого сказать! Произошла чудовищная ошибка, напишите про это товарищу президенту, умоляю!

К курилке подходит ФЁКЛА.

КУТИЛОВ. Всё, надоели вы мне, поэты-музыканты. Ваш дом дурдом, нечего тут. Ступайте домой, вперёд и с песней.

АНДРОПОВ. Произошла чудовищная ошибка. Умоляю.

ЛЕТОВ. Пошли-пошли.

АНДРОПОВ и ЛЕТОВ уходят в обнимку, напевая «Ходит дурачок по лесу, ищет дурачок дурнее себя».

КУТИЛОВ. Чего так скоро?

ФЁКЛА. Кеосаян же. Хохлома на экране.

КУТИЛОВ. А, ну да... Слушай, с Андроповым все сразу понятно было. А что этот Летов? Он мутный какой-то, с разгона не разберу.

ФЁКЛА. Безмузный он, Тамара предупредила. Обычный психический, но в роль вжился до степени смешения. Тоже своего рода талант... Так, мне тут ещё в одно место нужно. А к тебе пришли.

ФЁКЛА уходит. Из глубины больничного парка к курилке идёт РАЙКОВА. Она довольно пожилая, в неприметной недорогой одежде.

КУТИЛОВ. Лида?! Здравствуй, Лида.

РАЙКОВА. Здравствуй, Аркаша.

КУТИЛОВ. Как ты тут, Лида?

РАЙКОВА. Потихоньку. Живу, кажется. Или не живу. Время такое, сразу не разберёшь.

КУТИЛОВ. Я и Лидка, и ночь. Вышли Гончие Псята. День ушёл до утра и ничем не помочь. В сеть попалась луна, звёзд ершистых десятков... Помнишь?

РАЙКОВА. Вспомнила сейчас.

КУТИЛОВ. Сколько же времени прошло, Лида? Пустого, глупого времени.

РАЙКОВА. Нет никакого времени, Аркаша, ты же сам знаешь. Сколько лет минуло с нашей последней встречи? Или веков? Или секунд? Разве это важно? Важно только здесь и сейчас, здесь и сейчас.

КУТИЛОВ. Но почему мы здесь и сейчас?

РАЙКОВА. Значит, так нужно, так предопределено чем-то, что выше нас, а потому мудрее и точнее. Ты же сам писал:
Если умер, но ходишь, как прежде,
если сдался, врагов возлюбя, —
значит, слава последней надежде,
что воскреснуть заставит тебя.
Надежда, понимаешь? Надежда всё исправляет. И ты сам сейчас тоже надежда,
затем мы с тобой здесь и сейчас.

КУТИЛОВ. Мудрёно больно.

РАЙКОВА. С чего бы это вдруг я для тебя мудрёная стала? Раньше за такую не держал.

КУТИЛОВ. Время другое, Лида. Я другой. Ты другая.

РАЙКОВА. Просто ты ещё ничего здесь про себя не понял. Видно, рано тебе пока. Поймёшь, когда созреешь. Недолго уже.

КУТИЛОВ. Надеюсь... Ага, так что ж мы тут с тобой на холоде? Пустят тебя со мной в диспансер, нет? Часы-то неприёмные уже. Сейчас пойду спрошу.

РАЙКОВА. Не нужно. Пошли со мной, тебя ждут.

КУТИЛОВ. В город? Так не выпустят же.

РАЙКОВА. Дурачок же ты у меня. Вставай, пойдём.

КУТИЛОВ. Ладно, пойдём. А куда?

РАЙКОВА. В Дом актёра, куда ещё.

КУТИЛОВ. Ух ты. А кто меня там ждёт?

РАЙКОВА. Чекменёв с Великопольским. И другие там разные, кажется.

КУТИЛОВ. Вот это да. Пропустят меня нынче в ресторан-то, как думаешь? Раньше и близко не подпускали, даже с Чекменёвым.

РАЙКОВА (*вздыхает*). Как есть дурачок из психушки. Пошли, тебе говорят.

КУТИЛОВ и РАЙКОВА уходят. Из стационара выбегает АНДРОПОВ.

АНДРОПОВ. Кутилов, ты где? Кути-ило-ов! Передай им там, что я не нарочно, я исправлюсь! Исправимся мы! Все исправимся. *(Оборачивается к залу.)* Каждого исправим, каждого. Для нас неисправимых нет. Нет для нас неисправимых.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
СЦЕНА ПЕРВАЯ

В зале ресторана сидят за накрытым столом ЧЕКМЕНЁВ с ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Шумно здесь. Не люблю.

ЧЕКМЕНЁВ. А я как дома. Как в лучшие времена. *(Громко обращается к кому-то.)* Артур, привет! Отлично выглядишь... Чуть позже, дорогой, спасибо. Мы тут с Генкой сидим вот Кутилова ждём. Потом обязательно, Артурчик, конечно... Нет, Гена, зря, хорошо здесь. Ты-то не любитель был Дома актёра, а мне нравилось. Бывало, сдашь номер — и сюда. А тут все свои: и Хайкин, и Алексеев, и Генка Носовец с телевидения. Кутилова, правда, не было, не пускали его сюда, бомжару грешного.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Его вообще никуда не пускали.

ЧЕКМЕНЁВ. Почему? В редакциях у нас Аркашу принимали. По вечерам, конечно, когда начальство на своих «волгах» по домам разъезжалось. Сколько водки мы там с ним выпили. Да и с тобой.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Наливай, чего сидим дурнями.

ЧЕКМЕНЁВ. И то верно.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Ты-то хоть понимал тогда, что водку пьёшь с гением?

ЧЕКМЕНЁВ. Да не так чтобы очень. Ну, Кутилов, ну, поэт из теплотрассы, сиделец бывший. Мало ли таких тогда к редакции прибивалось. А ты, помню, материл нас, что мы его не ценим. Листочки за ним прибирал со стихами, Аркашей по пьяни написанными.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. А сколько не прибрал. Вы же, идиоты, их в мусорку потом выкидывали, наутро похмелившись. А дома он у меня много писал. Я всё сохранил.

ЧЕКМЕНЁВ. За это я тебя и люблю, Гена. Но я ж запойный был, ты помнишь. А когда в завязке оказывался, тогда и с Аркашей редко виделся. Тот-то не просыхал вообще, а мне какой интерес с ними, алкашней, пока снова на стакан не подсяду... О, вот и наш красавчик.

К столу подходит КУТИЛОВ, обнимается с ЧЕКМЕНЁВЫМ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ, садится.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Здравствуй, Аркаша, здравствуй.

ЧЕКМЕНЁВ. А Лида где?

КУТИЛОВ. В туалете прихорашивается, сейчас будет. Вы-то давно здесь?

ЧЕКМЕНЁВ. Да полбутылки ещё не выпили.

КУТИЛОВ. Я не про кабак.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Дней пять, наверное.

ЧЕКМЕНЁВ. Друг мой Аркадий, как же я рад тебя видеть.

КУТИЛОВ. Я тоже. Ладно, рассказывайте что тут и как.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Плохо всё. Совсем плохо. Хуже некуда.

ЧЕКМЕНЁВ. Нет, вначале-то было хорошо, отлично даже. Перестройка там, гласность, свобода.

КУТИЛОВ. Прямо так и свобода?

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. По большому счёту, да.

ЧЕКМЕНЁВ. Что ты! Писать стало можно обо всём, в газеты молодёжь толковая подтянулась. Володю Кема помнишь, нет?

КУТИЛОВ. Нет, не помню.

ЧЕКМЕНЁВ. Жора Бородянский, Миша Лебедев, да много ещё.

КУТИЛОВ. И где они сейчас, эти молодые и свободные?

ЧЕКМЕНЁВ. Нету, кончились. Кого к нам забрали уже, кто эмигрировал, кто перекрасился в чёрное.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Чёрные времена пришли, Аркаша. Совсем чёрные. И люди почернели прямо на глазах.

ЧЕКМЕНЁВ. Ну не знаю.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Я историк, я так вижу. Фёдору Михайловичу легче было в нашем остроге сидеть при проклятом царизме. Откинулся — и дальше книжки пиши, по заграницам разъезжай, в рулетку проигрывайся. А сейчас не семь лет дают за участие в петрашевском заговоре, а десятку выписывают за малейшую недостаточную почтительность. И книги Достоевского из продажи не

изымались, как у нынешних критиков власти, и Герцена заочно не приговаривали к тюремному сроку.

КУТИЛОВ. Понятно. Наливай.

ЧЕКМЕНЁВ. А твои книжки, Аркаша, никто пока не запрещает. И первую, и вторую, что Генка к печати подготовил, и другие.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Это временно. И потом, «Скелет звезды» в девяносто восьмом вышел, ещё при совсем другой власти. Сейчас хрен бы кто взялся тебя публиковать. Потому что ты свободный, а значит опасный. Такие нынче времена.

ЧЕКМЕНЁВ. А окончательно свободен лишь кто? Правильно, бомж вроде тебя, Аркадий. С которого нечего взять, которого нечем запугать. Ты бы сюда вписался, хоть и ненадолго.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Даже Пугачёва не вписалась, а наоборот, выписалась.

КУТИЛОВ. Да ты что?

ЧЕКМЕНЁВ. Ага, в Израиле сейчас живёт. А я вам рассказывал, как интервью у Пугачёвой брал, когда никто взять не смог? Короче, приехала она к нам на гастроли...

КУТИЛОВ. Сто раз рассказывал.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Как будто поговорить больше не о чем.

ЧЕКМЕНЁВ. Ну и как хотите, раз так.

КУТИЛОВ. Есть о чём поговорить. Вы сами-то давно отсюда?

ЧЕКМЕНЁВ. Я лет пять, Генка пораньше. Болели, ничего остросюжетного.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Болтались там, как не пришей рукав к карману, пока вот сейчас обратно не направили.

КУТИЛОВ. А зачем?

ЧЕКМЕНЁВ. Тебе в помощь. В курс дела ввести и вообще. Чем нынче и занимаемся. Ты не знаешь, что ли?

КУТИЛОВ. Да как-то... Как будто кричит незабудка, кувшинка хохочет в воде, как будто предчувствие бунта... Смутно всё пока. Понимаю, что заря не зря и я не зря, но смысл ускользает. Проясняйте, если в помощь мне здесь.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Ну, смотри...

К столу подходит РАЙКОВА, которая выглядит лет на двадцать моложе и ярче, чем прежде. Одета в модное, ресторанное, победительное.

РАЙКОВА. Соскучились, молодёжь?

ЧЕКМЕНЁВ. Лида, ты ослепительна!

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ *(встаёт, вежливо подвигает стул)*. Прошу.

ЧЕКМЕНЁВ. А давайте шампанского за встречу. Гена, наполняй бокалы.

КУТИЛОВ. Мне водки.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Кутилов, скажи тост.

КУТИЛОВ *(встаёт, крутит в руках рюмку, садится)*. Не готов, не знаю что сказать. Пусть Лида.

РАЙКОВА. За любовь, за что же ещё. Я помню это твоё, хоть и обидное.
Рассудок смиряет кипенье крови...
Твой взгляд голубее кинжала...
И, может, не палец, а горло любви
кольцо обручальное сжало.

Состарил сентябрь и фигурку твою,
твои очертанья грубеют...
Похоже, что я на расстреле стою,
и наши уже не успеют.
Успели. Наши успели. Так давайте за нас и за любовь.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Умеешь.

ЧЕКМЕНЁВ. Она же из высших сфер, чего ты хотел. Не нам с тобой чета.

РАЙКОВА *(смеётся)*. Да какие там сферы, господи. Смех один. Вернётесь, сами всё увидите.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Да, было такое обещание... Ого!

К компании подходит ЕВТУШЕНКО.

ЧЕКМЕНЁВ. Евгений Александрович! Неожиданно. А помните, я интервью у вас брал? Уже после того, как Саша Бекишев вам его стихи вручил *(кивает на КУТИЛОВА)*, а вы потом Аркадия в своей знаменитой антологии опубликовали? Как же вы там написали тогда? «Кутилов — надтусовочный поэт, он принадлежит не той или иной группе, а прямиком — русскому языку, русской поэзии и русской совести».

ЕВТУШЕНКО. Да-да, помню, конечно.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ *(берёт стул от соседнего столика, придвигает)*.
Присаживайтесь.

ЕВТУШЕНКО. Спасибо... Ты когда встал сейчас, Аркаша, смотрю: ты или не ты? Теперь вижу, Кутилов.

ЧЕКМЕНЁВ. А это Лида.

ЕВТУШЕНКО. Очень приятно, Лида. Поэт Евтушенко. Очень красивое имя у вас.

КУТИЛОВ. Есть одна золотая примета,
проще самых простейших примет:
слово «очень» найдёшь у поэта,
значит, это уже не поэт.

ЕВТУШЕНКО. Брось, не придирайся.

КУТИЛОВ. Я не придираюсь. «Хотят ли русские войны» кто написал?

ЕВТУШЕНКО. Знаешь, ты тоже не ангел, между прочим.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Это временно. Вот Лида у нас действительный ангел высшего чина.

ЕВТУШЕНКО. Я вижу и преклоняюсь.

КУТИЛОВ. Ты на вопрос-то отвечай. Хотят русские войны? Вот прямо здесь и сейчас? Хотят или не хотят?

ЕВТУШЕНКО. Не мучай меня. Кто же тогда мог подумать.

КУТИЛОВ. Поэту не нужно думать, поэту нужно чувствовать. И предчувствовать.

ОФИЦИАНТ приносит бутылку коньяка.

ОФИЦИАНТ. Просили передать поэту Кутилову от того столика. «Асканели», шесть лет выдержки.

ЧЕКМЕНЁВ *(в сторону)*. Спасибо, Артур!.. Да, Артурчик, идём мы уже... Генка, пошли, Хайкин зовёт.

ОФИЦИАНТ уходит.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Неудобно, Витя.

ЧЕКМЕНЁВ. Чего там неудобного? Все свои. Пошли-пошли. Ты с нами, Лида?... Ну да, конечно.

*КУТИЛОВ поднимает рюмку, кивает в сторону приславшего коньяк.
ЧЕКМЕНЁВ с ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ уходят. РАЙКОВА молчит, независимо курит, разглядывая зал ресторана.*

ЕВТУШЕНКО. Вон и коньяк тебе присылают, а не мне.

КУТИЛОВ. Тебе ведь этих коньяков тогда ещё вагон, наверное, направили. А мне в первый раз... Скажи лучше, пишешь чего-нибудь сейчас?

ЕВТУШЕНКО. Пробовал, не выходит. Читаю больше.

КУТИЛОВ. Вот и у меня не выходит. Ну, давай из того что начитал. Стоящее чего-нибудь.

ЕВТУШЕНКО. Стоящее? Вот, послушай.
Пионерская гордость горела подобием вымпела,
ты готов был героически погибнуть в героической войне
и реально жалел те народы, которым не выпало
это трудное счастье — расти в самой лучшей стране.

Вымпел выцвел. Геройские войны – кровавое варево
из словесной трухи и высоких идей требухи.
В небесах над тобой ни архангелов нет, ни Гагарина,
ни того, на кого уповают, что спишет грехи.

Пролетают надежды над книжным Парижем фанеркою
и вопрос о свободе ещё на столетье закрыт.
А в сердёжке души — там, где гордость была пионерская —
только стыд за страну. Только стыд. Только ёбанный стыд.

КУТИЛОВ. Ни разу не пробовал матом в стихах. Но здесь к месту. И правда, хоршее. «В небесах над тобой ни архангелов нет, ни Гагарина...» Чьё?

ЕВТУШЕНКО. Есть такой Сергей Плотов. Земляк твой, между прочим, из актёров. Не знал его?

КУТИЛОВ. Нет. Он же молодой ещё, судя по всему.

ЕВТУШЕНКО. В сравнении с нами все молодые.

КУТИЛОВ. Да, Женя, не поспоришь.

РАЙКОВА (*неожиданно чеканно декламирует*).
Они стреляли по донецким.
Они стреляли по луганским.
По сношенным пинеткам детским.
По каблукам и сумкам дамским.

По одеялам и подушкам,
ночнушкам, шортикам, пижаме.

И в класс, где запрещённый Пушкин
по-русски говорил стихами.

По толстым словарям толковым,
по тощим козам, по колодцам,
они стреляли по торговым
палаткам и по огородам...
Вот вам нынешние стихи, про соседских нацистов. А вы говорите.

КУТИЛОВ (*несколько даже испуганно*). Что это? В каком классе у вас тут
Пушкин говорит стихами?

РАЙКОВА. У него спроси.

КУТИЛОВ. Спрашиваю: что это, Женя? Что это за, блядь, «у огорода»?

ЕВТУШЕНКО. Лучше не спрашивай. Такая сегодня в моде гражданская лирика
— убойная, убогая, убийственная, людоедская. Стирающая в пыль и поэзию, и
поэтов.

КУТИЛОВ. Знаешь, даже вы с Вознесенским приличнее выглядели в модное
для вас время.

ЕВТУШЕНКО. Даже?

КУТИЛОВ. Угу. «Хотят ли русские войны»... Извини, нервы ни к чёрту... Чего
сегодня в России больше-то: плотовых или этих, «у огорода»?

ЕВТУШЕНКО. Этих, конечно. Они сейчас силу большую набрали,
вытаптывают своими боевыми пегасами поэтическую поляну. У них не
забалуешь.

КУТИЛОВ. И вырастил серые маки — шинельного цвета цветы...

ЕВТУШЕНКО. У него ничего другого не растёт.

*К столу возвращаются ЧЕКМЕНЁВ с ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ, уже изрядно
выпившие.*

Ладно, пойду. Рад был тебя встретить, Аркаша. Всё у тебя получится, уверен.
Приятного вечера всем.

ЕВТУШЕНКО идёт прочь от стола.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ (*в спину Евтушенко*). Ложный кумир! Столичная
бездарность! Приспособленец!

ЕВТУШЕНКО, не оборачиваясь, поднимает руку, показывает фак.

КУТИЛОВ. Ну что ты, Генка, несёшь? Прекрати.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. А чего он?

ЧЕКМЕНЁВ. Нормально поговорили? Вспомнил, зачем ты здесь?

КУТИЛОВ. Адий. Меня зовут Адий. Вспомнил.

РАЙКОВА. Вот и хорошо, что вспомнил. Дальше всё просто будет, мне обещали.

КУТИЛОВ. Как долго я был без тебя, Лида. Безразмерно долго.

РАЙКОВА. Теперь я здесь, с тобой. Мы все здесь. Пошли танцевать.

КУТИЛОВ. Я же не умею.

РАЙКОВА. Всё ты умеешь, смелей.

КУТИЛОВ и РАЙКОВА танцуют. ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ смотрят на них.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет ПОНЬИРЁВА отделён дверью от приёмной главврача ПНД. В приёмной за компьютером сидит МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. На стульях у стены в углу расположились ФЁКЛА и ТАМАРА. ТАМАРА вяжет.

ФЁКЛА. Никогда не получалось вязать. Он у меня самостоятельный, слова ему не скажи.

ТАМАРА. Да я и сама не очень умею. Лицевые у меня — силлабика, изнаночные — тоника. Цезура — если с накидами. Для декора верлибром немножко могу, но это совсем редко. Тут большого таланта не требуется. Как стихотворные поздравления родственникам на радио присылать.

ФЁКЛА. «Поздравляем с юбилеем дорого нам Сергея, ведь и в сорок даже лет ждёт его любви расцвет». Помню такое, да.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА вздрагивает, отвечает на внезапный телефонный звонок.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Оля, мне некогда... Оля, ты не понимаешь, я вся как обмороке... Это как вдруг тебя в театре на сцену, а ты сидишь тут за компьютером в приёмной и на тебя люди смотрят... Да никакого зала здесь нет, никто не смотрит, это я так, для примера... Ещё как боюсь, что ты... Всё, до вечера. Не звони мне больше, сама потом позвоню.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА подходит к зеркалу, поправляет белоснежный халат. Возвращается за стол.

ТАМАРА. Нервничает.

ФЁКЛА. А кто бы не нервничал.

В приёмную входят четверо СОТРУДНИКОВ. Один встаёт рядом с МАРИНОЙ СЕРГЕЕВНОЙ, другой поворачивается спиной и контролирует двор за окном, двое встают у дверей.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Что, уже? Мне цветы поручено.

СОТРУДНИК быстро берёт со стола букет, изучает его, кивает, кладёт обратно. МАРИНА СЕРГЕЕВНА встаёт, мелко крестится. Дверь из коридора в приёмную распахивается, в неё боком протискивается ПОНЫРЁВ.

ПОНЫРЁВ. Прошу, Вадим Вадимович.

В приёмную заходят ВАДИМ ВАДИМОВИЧ и ВОЗЛЕЖАЕВ. СОТРУДНИК быстро и аккуратно закрывает за ними дверь, отсекая шум голосов верноподданного чиновничества и прессы.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (Марии Сергеевне). Здравствуйте.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Дорогой и уважаемый Вадим Вадимович, от лица всей медицинской общественности, позвольте вам вот.

СОТРУДНИК перехватывает вручаемый букет.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Спасибо. От всей души спасибо, от всего российского народа... Так, куда мы здесь дальше?

СОТРУДНИК распахивает дверь в кабинет ПОНЫРЁВА. Туда заходят ВАДИМ ВАДИМОВИЧ, ВОЗЛЕЖАЕВ, ПОНЫРЁВ. СОТРУДНИК закрывает за ними дверь. МАРИЯ СЕРГЕЕВНА в нервном изнеможении рушится на стул. В кабинете главврача ВАДИМ ВАДИМОВИЧ садится на место хозяина за столом.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Прошу.

ПОНЫРЁВ и ВОЗЛЕЖАЕВ рассаживаются на места для посетителей.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Устал, целый день на ногах. Возраст.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Да какой там у вас возраст, Вадим Вадимович. Вы в прекрасной форме, любой позавидует.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Вот и завидуют... Устал. От свиты, от прессы, от всех. Хорошо тут, тихо. Отдохну полчаса от суеты.

ПОНЫРЁВ. Чай прикажете? Кофе?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. У меня свой. Скажите там.

ПОНЫРЁВ срывается с места, открывает дверь в приёмную, передаёт указание президента. Через секунду в кабинет входит СОТРУДНИК с термосом и стаканом в руках. Наливает напиток, оставляет термос, бесшумно уходит.

Отлично. Ни разу не бывал в психбольнице, дай, думаю, загляну здесь у вас. В жизни всё нужно попробовать. Сколько той жизни-то осталось.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Вы всех нас ещё переживёте, Вадим Вадимович. Назло врагам и на радость вверенного вам божьим промыслом населения нашего Отечества.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Дай-то бог... А что, Иван, э-э, Николаевич, есть тут у вас интересные клинические случаи? Бонопарты какие-нибудь, Махатмы Ганди? Я бы ознакомился, поговорил.

ПОНЫРЁВ. Есть, есть, с манией величия, как не быть. «Андропов» есть, «Летов» лечение проходит.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Андропова не хочу, скучно. А Летов — это кто?

ВОЗЛЕЖАЕВ. Рокер такой у нас тут был, кумир молодёжи. Помер давно. Мы ему памятник на днях решили поставить. Местная знаменитость.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Ну, если даже памятник. Пригласите. Не опасный он?

ПОНЫРЁВ. Нет, что вы, как можно. *(Торопится к двери, отдаёт распоряжение, возвращается.)* Сейчас доставят.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что с урожаем у вас нынче вышло, Леонид Константинович?

ВОЗЛЕЖАЕВ. Рекордный.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Это хорошо. Танки?

ВОЗЛЕЖАЕВ. На полную мощность, в три смены. Открыли вторую сборочную линию.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Это правильно.

В приёмную САНИТАРЫ приводят ЛЕТОВА. Из коридора слышен голос АНДРОПОВА: «Я не то хотел сказать! Передайте президенту!». Сотрудник тщательно обыскивает ЛЕТОВА, выпускает в кабинет. САНИТАРЫ уходят.

ПОНЫРЁВ. Вот пациент Николай Бродников, господин президент.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ *(Летову)*. Вы кто здесь, простите?

ЛЕТОВ. Егор, музыкант.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Спойте.

ЛЕТОВ. Что?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Пойте.

ЛЕТОВ. Глупый мотылёк догорал на свечке,
жаркий уголёк, дымные колечки.
Звёздочка упала в лужу у крыльца...
Отряд не заметил потери бойца,
отряд не заметил потери бойца...

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Достаточно, спасибо. (*Возлежаеву*) Вы ему, значит, памятник собрались ставить?

ВОЗЛЕЖАЕВ. Ошибочно. Больше не повторится, господин президент.

ЛЕТОВ. Кутилову хоть поставьте. Не мне чета.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Обязательно. До свидания.

ЛЕТОВ выходит из кабинета. СОТРУДНИК сопровождает его до двери, открывает, выпускает. Из коридора доносится голос АНДРОПОВА: «Товарищ президент, произошла чудовищная ошибка!»

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Ну, давайте теперь этого Кутилова. Посмотрим на другой проект вашего памятника. Он кто?

ПОНЫРЁВ. Аркадий Кутилов, он же Адий. Тоже пациент, вчера поступил. (*Выглядывает за дверь, передаёт МАРИИ СЕРГЕЕВНЕ новую вводную.*)

ВОЗЛЕЖАЕВ. Поэт такой у нас был. Гений, бунтарь, бродяга. Местный, так сказать, Франсуа Вийон. Скончался ещё при Горбачёве.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Сколько же людей Горбачёв угробил. Хороших, честных советских граждан. И Франсуа этого Вийона, оказывается, ещё.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Так точно. И Вийона.

В приёмную входят КУТИЛОВ, ЧЕКМЕНЁВ, ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. КУТИЛОВ в обычной одежде, ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ в строгих костюмах и в несколько инфернальном выражении лиц.

КУТИЛОВ (*в коридор*). Я передам, Андропов, передам.

СОТРУДНИКИ агрессивно настораживаются. ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ делает неопределённый жест рукой, и СОТРУДНИКИ замирают в движении. ЧЕКМЕНЁВ усаживает их на стулья. МАРИЯ СЕРГЕЕВНА не замечает

происходящего, стучит по клавиатуре компьютера. ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ подходят к окну окна, закуривают.

Прыткие какие. Пусть отдохнут.

ФЁКЛА. Ты хоть одно стихотворение написал здесь? Хоть строчку?

КУТИЛОВ. Прости.

ФЁКЛА. Бог простит.

ТАМАРА. И не надо ему ничего уже писать. Я же вижу.

ФЁКЛА. Наверное. Ну, пусть.

КУТИЛОВ походит к ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ, берёт из его рук сигарету, затягивается, возвращает. Входит в кабинет ПОНЫРЁВА.

КУТИЛОВ. Здравствуйте.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Этот вежливый, не то что музыкант. Хороший вы поэт, э-э, Кутилов?

КУТИЛОВ. Хороший.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. А здесь почему?

КУТИЛОВ. Мой мозг трагично неисправен, и уж ничем не исправи'м.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. А зовут вас, напомните?

КУТИЛОВ. Адий.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Читайте.

КУТИЛОВ. Про что?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Мне про войну нравится, про подвиг, что-нибудь такое героическое, воодушевляющее народ. Есть у вас?

КУТИЛОВ. Есть.

Я в атаку последнюю шёл,
но судьба изменила герою...
Плюс к тому — оказался тяжёл
тот снаряд, что упал под горою.

Хорошо! И дымком понесло,
и предсмертные слёзы просохли...
Плюс к тому — умереть повезло:
те, кто выжил, в плену передохли.

Плюс к тому — тишина, тишина...
Не слышать разговора винтовок...
И вползают на грудь ордена,
давят лапками божьих коровок.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ молча смотрит на ВОЗЛЕЖАЕВА.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Виноват.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. И ведь не в показном эпатаже здесь дело, как в нашем случае. Ну, хорошо, это больной. Так ведь сегодня не отличишь больного от здорового. Находятся люди, которые против войны. Единицы, но ведь есть. Мне докладывают, я знаю. Что в головах у этих, так сказать, пацифистов? Как можно желать поражения своей стране, как можно с презрением относиться к нашим ребятам, исполняющим на фронте свой воинский, праведный, человеческий, если хотите, долг? Не мы начинали эту войну, нам приходится противостоять западной агрессии, пусть даже и ментальной. А ведь это, по сути, психическое заболевание. Верно я говорю, доктор? Есть такое?

ПОНЫРЁВ. Конечно, Вадим Вадимович. Ментальное расстройство — рядовой случай в психиатрии, когда пациенту сложно работать и интегрироваться в общество.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Вот именно. И работать они не хотят, и с обществом взаимодействовать. Нормальным, здоровым обществом. И первым симптомом такого тяжёлого заболевания является пацифизм. Достаточно взглянуть на историю России: кто у нас был пацифистом? Рюрик? Иван Грозный? Пётр Первый? Сталин? И ничего, побеждали печенегов и прочих врагов, расширили границы России. И сегодня побеждаем, несмотря на этих больных отщепенцев... Свободы им нужны, надо же. Под собачьим хвостом ваши свободы, извините за такое выражение. Смотрю я на ваших пациентов и думаю, что неправильно мы этих свободолюбцев в колонии отправляем. Чтобы всё по закону: следствие, суд, тюрьма... Нет, их нужно лечить! От свобод, от пацифизма, от неправильных, нездоровых мыслей в голове. Без суда и следствия. Нужно срочно расширять сеть психиатрических лечебниц в стране, скорректировать свод медицинских диагнозов. Высказался против войны — всё, болен. И лечить. всю страну, если нужно. А то и дальше... Очень правильно, что я к вам сюда сегодня заехал. Примем специальную программу по линии минздрава: лечить, лечить и лечить!

ВОЗЛЕЖАЕВ. Очень верное и своевременное решение, Вадим Вадимович.

КУТИЛОВ. Лечили уже.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что? Кого?

КУТИЛОВ. Меня лечили. Сильно вылечили? Свобода не лечится, любезный. Это как голубые глаза лечить, чтобы они карими стали. Не вылечишь. Только выколоть, разве что.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Значит, выколем!

КУТИЛОВ. Никому ты уже ничего не выколешь, отвыкаловался.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (*Возлежаеву*). Памятник, значит?

ВОЗЛЕЖАЕВ (*Понырёву*). Убрать.

ПОНЫРЁВ идёт к двери, пытается её открыть, но дверь не открывается.

ПОНЫРЁВ. Сейчас. Сейчас-сейчас. (*Лихорадочно ищет в кармане ключи, пинает дверь.*)

КУТИЛОВ (*Вадиму Вадимовичу*). Пошли, пора.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что такое? Куда пошли?

КУТИЛОВ. Ты ещё не понял?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (*Понырёву*). И охрану там пригласите.

ВОЗЛЕЖАЕВ выпрыгивает из-за стола, спешит помочь с дверью *ПОНЫРЁВУ*.

Успокойтесь, э-э, Аркадий. Всё будет хорошо.

КУТИЛОВ. Адий, меня зовут Адий.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Прекрасно, пусть Адий. (*Понырёву и Возлежаеву*) Нельзя ли проявить большую активность? Хотя бы, как с памятниками.

КУТИЛОВ. Здесь нет ни младших и ни старших, и нет носителей цитат... Ты сам — души своей фельдмаршал, и сам — души своей солдат.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Молчать.

КУТИЛОВ подходит к *ВАДИМУ ВАДИМОВИЧУ*, смотрит на него с отстранённой жалостью.

Не смей!.. (*Возлежаеву и Понырёву с испуганной визгливостью.*) Эй, вы там, ко мне!

КУТИЛОВ. Кто ж так команды подаёт? Не «ко мне!», а «к ноге!».

ВОЗЛЕЖАЕВ и *ПОНЫРЁВ* спешат к *Вадиму Вадимовичу*, но замирают в движении. В кабинет входят *ЧЕКМЕНЁВ* и *ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ*. *ЧЕКМЕНЁВ* привычно усаживает *Понырёва* и *Возлежаева* на стулья.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Серой-то как здесь несёт. Как на сажевом заводе.

ЧЕКМЕНЁВ. Сероводородное брожение, лайтовый Клаусс-процесс. Обычная история в таких случаях.

КУТИЛОВ. Хорошо что ты умный.

ЧЕКМЕНЁВ. Пользуйтесь.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Я, конечно, очень, кхе-кхе, извиняюсь, но что происходит? Вы кто? Охрана, охрана!

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Вот же дурак, прости Господи.

ЧЕКМЕНЁВ. Мы тут вместо охраны... Включай мозг уже свой. Запах серы. Это Адий. Дошло, наконец?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Ты чо дерзкий такой?

ЧЕКМЕНЁВ. Разве я дерзкий? *(Показывает на Кутилова.)* Вот он дерзкий, ему и поручено. А мы так, почётный караул.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что поручено? Кем поручено?

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Кем-кем, понятно кем. Там наверху договорились, чтобы поручение исполнил Кутилов, как гений на исправлении. Согласно твоему статусу, чтобы не абы кто. Ну и нас придали для присущей церемониальности.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Я гляжу, вы не понимаете.

КУТИЛОВ. Перестань. Всё ты уже понял. Пора тебе.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Да куда же?!

КУТИЛОВ. Меня зовут Адий. А-дий. Ад. Ий. Тебе со мной. Туда. Пора.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Мне рано. Я не хочу.

КУТИЛОВ. Там лучше знают. Пошли-пошли. Не надо тебе здесь.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Но как же? За что?

ЧЕКМЕНЁВ. За всё хорошее. Встал, руки за спину, не оглядываться. Пошёл.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ встаёт, убирает руки за спину, идёт к двери вслед за КУТИЛОВЫМ.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ *(показывает на Возлежаева)*. А этого куда?

КУТИЛОВ. Да похрен. Пусть домой идёт.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ делает жест, *ВОЗЛЕЖАЕВ* приходит в себя, встаёт, поправляет галстук, идёт к двери.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Возлежаев! Леонид Константинович!

ВОЗЛЕЖАЕВ. Извините, мужчина. Не имею чести... А вам, Кутилов, памятник, обещаю. Или даже два. Точно два.

ВОЗЛЕЖАЕВ выходит из кабинета главврача. За ним выходят *КУТИЛОВ*, *ВАДИМ ВАДИМОВИЧ*, *ЧЕКМЕНЁВ*, *ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ*. В приёмной *МАРИЯ СЕРГЕЕВНА* продолжает работать на компьютере.

ФЁКЛА (*Кутилову*). Так ведь ничего и не написал нынче.

КУТИЛОВ. Другие напишут. Справятся. Прощай, Фёкла.

ФЁКЛА. Ладно, прощай. Лида на улице ждёт.

КУТИЛОВ. Я знаю. Прощай.

КУТИЛОВ, *ВАДИМ ВАДИМОВИЧ*, *ЧЕКМЕНЁВ* и *ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ* покидают приёмную. **ФЁКЛА** встаёт у окна, смотрит в него, закуривает. К ней подходит **ТАМАРА**.

ТАМАРА. Могу чем-нибудь вам помочь?

ФЁКЛА. Чем тут поможешь? Спасибо, Тамара... А красиво они идут по лунной дорожке, всё выше и выше.

ТАМАРА. Да, красиво. Пойду я?

ФЁКЛА. Конечно. И мне пора.

ФЁКЛА выходит в коридор, *ТАМАРА* заходит в кабинет *Понырёва*, садится в угол с вязанием. *ПОНЫРЁВ* пишет в ноутбуке.

ПОНЫРЁВ. Нам с тобой не впервой, как водится, жить вне времени и вещей.

Просто вновь за окном находится поколение «вермишель»...

Какая ещё вермишель? Причём тут вермишель?.. Жизнь искусственных миражей... «Жить» и «жизнь» рядом, не пойдёт.

ТАМАРА. Королевство серых мышей. Горе мне с тобой.

ПОНЫРЁВ. ...Просто вновь за окном находится королевство серых мышей.

Неприметное, тошное, тусклое

некурящее и вообще
непохожее очень на русское
королевство серых мышей.

Где главенствует вошь чиновничья,
вся в законах для корешей...

ТАМАРА (*вяжет, кивает в ритм головой*). Кривенько, но живенько. Пусть.
Всё лучше, чем живодёрничать. Пусть пишет. Он же никому не мешает. Пусть.

Февраль 2024 года.

